Déclarations d'Emile Henry.
Prix : 20 cent.

РѢЧЬ „Пров 49

ЭМИЛЯ АНРИ

ПЕРЕДЪ СУДОМЪ

ИЗДАНІЕ ГРУППЫ АНАРХИСТОВЪ

GENÈVE
E. Held, Editeur
1898

Г. г. присяжные!

Вам извѣстно в чем я обвиняюсь: в произведеніи взрыва на улицѣ Бон-з-Анфан, убившаго пять человѣк и бывшаго причиной смерти шестого, затѣм взрыва в кафе Терминус, убившаго одного человѣка и ранившаго нѣсколькихъ другихъ, и, наконец, шести выстрѣлов из револьвера в преслѣдовавших меня послѣ послѣдняго покушенія.

Вы знаете из дебатов, что я признаю себя вполнѣ отвѣтственным за эти дѣянія; понятно, что я не стану защищаться перед вами и стараться избѣгнуть возмездія атакованнаго мною общества. К тому-же я признаю один только суд над собою — свой собственный и рѣшенія всякаго другого для меня безразличны. Я желаю только объяснить свои дѣйствія, указать на причины, побудившія меня совершить их.

Я стал недавно анархистом. Только с 1891-го года я стал принимать участіе в революціонном движеніи; до этого-же меня окружала среда всецѣло пропитанная современной

моралью, и я в ней привык уважать, и даже любить, принципы отечества, семьи, начальства и собственности.

Но воспитатели современнаго поколѣнія очень часто забывают, что жизнь с ея борьбою, с ея несправедливостями и преступленіями сама открывает глаза невѣждам и учит их дѣйствительности. Это и случилось со мною. Мнѣ говорили, что жизнь легка и широко открыта для людей интеллигентных и энергичных, опыт-же показал мнѣ, что только циникам и пресмыкающимся удается попасть на ея пир. Мнѣ говорили, что соціальныя учрежденія основаны на равенствѣ и справедливости, я-же видѣл вокруг себя только хитрость и ложь.

Каждый новый день отнимал у меня лишнюю иллюзію. Повсюду, куда я ни обращал свои взоры, я видѣл одно и то-же: радости и наслажденія у одних, горести и лишенія у других.

Я скоро понял, что великія слова, которыя меня пріучили почитать: честь, долг, самопожертвованіе — ничто иное, как маска, прикрывающая самыя постыдныя гнусности. Заводчик, трудами своих рабочих создающій себѣ колоссальное состояніе, в то время, как послѣдніе терпят страшную нужду, считается честным человѣком; депутат или министр, всегда готовые принять взятку, — преданными об-

щественному благу ;офицер, испытывающій ружье новой системы на семилѣтних ребятах— только исполнившим свой долг, и президент министров в парламентѣ обращается к нему с поздравленіями!

Все это меня возмущало и я стал подвергать критикѣ общественный строй. Послѣдняя так часто уже дѣлалась, что мнѣ нѣт надобности повторять ее здѣсь. Достаточно сказать, что я стал врагом общества, которое считал преступным.

Привлеченный не надолго на сторону соціализма, я вскорѣ отдалился от этой партіи. Я питал слишком много любви к свободѣ, слишком много уваженія к личной иниціативѣ и отвращенія к вербовкам, чтобы согласиться стать номером в арміи четвертаго сословія. К тому-же я видѣл, что соціализм в сущности ничего не измѣняет в настоящем порядкѣ вещей; он сохраняет принцип власти, а этот принцип, чтобы там ни говорили называющіе себя свободомыслящими, есть ничто иное, как устарѣвшій сстаток вѣры в высшую силу.

Наука познакомила меня с дѣйствіем сил природы. Я стал матеріалистом и атеистом; я узнал, что вѣрованіе в бога устраняется современною наукою, как ненужное болѣе; а с ним вмѣстѣ должна исчезнуть и религіозная и ав-

торитарная мораль, как основанная на ложных началах.

Но какова-же должна быть новая мораль, гармонирующая с законами природы и имѣющая своею задачею преобразовать старый мір и сдѣлать человѣчество счастливым?

В это время я столкнулся с нѣсколькими товарищами анархистами,— лучших людей я раньше никогда не встрѣчал. Их нравственныя качества привлекли меня к ним с самаго начала; в них я оцѣнил их полную искренность, откровенность, их глубокое презрѣніе ко всяким предразсудкам, и мнѣ захотѣлось познакомиться с идеей, сдѣлавшей этих людей так непохожими на всѣх видѣнных мною до этого.

Эта идея нашла во мнѣ почву, вполнѣ подготовленную моими собственными наблюденіями и размышленіями. Благодаря ей, мысли мои, до тѣх пор неясныя, неопредѣленныя, приняли вполнѣ опредѣленную форму: — я тоже стал анархистом.

Мнѣ нѣт надобности развивать здѣсь теорію анархизма, скажу только нѣсколько слов об его революціонной — разрушающей и отрицающей сторонѣ, из-за которой я теперь стою перед вами.

В настоящее время, в момент острой борьбы между буржуазіей и ея врагами, я почти готов сказать вмѣстѣ с Суварином из Жермі-

наля: „всякія разсужденія о будущем преступны ,потому что они мѣшают прямому разрушенію и замедляют наступательный ход революціи.“

Как только извѣстная идея выяснена и сформирована, нужно не медля найти ей практическое примѣненіе. Я убѣдился в негодности современнаго строя и вступил с ним в борьбу, чтоб ускорить его разрушеніе. В эту борьбу я внес глубокую ненависть, ежедневно поджигаемую видом этого гнуснаго общества, в котором все пошло, фальшиво, отвратительно, все препятствует проявленію лучших свойств человѣческой души, благородным стремленіям сердца, свободному развитію мысли.

Я старался поразить как можно вѣрнѣе и сильнѣе. Перейдем-же к моему первому покушенію, ко взрыву на улицѣ Бон-з-Анфан.

Я внимательно слѣдил за тѣм, что происходило в Кармо. Первыя извѣстія о стачкѣ наполнили мое сердце радостью: казалось, что рудокопы, наконец, отказались от безполезных, мирных стачек, во время которых рабочій терпѣливо ждет в надеждѣ, что его жалкіе гроши побѣдят милліоны акціонерной компаніи; казалось, что они хотят вступить на путь насилія, что и оправдалось 15-го августа 1892-го г. Конторы и зданія рудников были наводнены толпою рабочих, уставших наконец от страда-

ній и жаждущих мести. Предстояла расправа над ненавистным инженером.... но тут в дѣло вмѣшались новыя личности.

Что это были за люди?

Тѣ самые, которые мѣшают всяким революціонным движеніям из опасенія как бы народ, раз сорвавшись с цѣпи, не перестал их слушаться, тѣ, которые заставляют народ подвергаться всяким лишеніям в теченіе долгих мѣсяцев, чтоб самим в это время, эксплуатируя его страданія, пріобрѣтать популярность, позволяющую сорвать мандат, — я говорю о вожаках-соціалистах;—дѣйствительно, эти люди стали во главѣ движенія.

Вдруг откуда-то появилась цѣлая толпа этих господ краснобаев, предоставивших себя в полное распоряженіе стачечников; они организовали подписки, читали конференціи, обращались во всѣ стороны за денежной помощью. Рудокопы предоставили им веденіе всего дѣла. Извѣстно, чѣм все это окончилось. Стачка затянулась; рудокопы близко познакомились с их частым товарищем, с голодом; они съѣли небольшія средства своего синдиката и помогавших им корпораціи и, через два мѣсяца, печально вернулись в свои ямы, болѣе жалкими, чѣм раньше.

Между тѣм, как легко можно было с самаго начала поразить компанію в ея единствен-

ное чувствительное мѣсто — карман: нужно было только сжечь запасы, сломать машины, уничтожить помпы. Нѣт сомнѣнія, что компанія живо сдалась-бы. Но первосвященники соціализма не признают этих „анархистических“ средств; в самом дѣлѣ, из-за них рискуешь попасть в тюрьму. а может быть даже и получить одну из тѣх пуль, которыми так прославилось Фурми, а уж ни в каком случаѣ они не помогут получить кресло в палатѣ или в муниципальном совѣтѣ. Словом, результат получился тот, что нарушенный не надолго порядок, был вскорѣ снова возстановлен в Кармо.

Компанія, чувствуя себя болѣе могущественной, чѣм когда-либо, продолжала свою эксплуатацію, а г. г. акціонеры поздравляли друг друга с благополучным окончаніем стачки, — будут, дескать, еще дивиденды!

Тогда я рѣшился к этому концерту счастливых голосов присоединить еще голос, слышанный уже буржуазіей, но который она считала замолкнувшим навсегда вмѣстѣ с Равашолем: — голос динамита.

Я хотѣл показать буржуазіи, что отнынѣ для нея уже не будет безмятежных радостей. что ея нахальное торжество будет всегда смущаемо, что ея золотой телец будет постоянно дрожать на своем пьедесталѣ до тѣх пор, пока окончательный удар не сбросит его в грязь и кровь....

В то-же время я хотѣл показать рудокопам, что единственные люди, искренно сочувствующіе их страданіям и готовые отомстить за них, — это анархисты. Эти люди не засѣдают в парламентах, как г. г. Гэд и Комп., но умѣют подыматься на гильотину.

Тогда я приготовил бомбу. На мгновеніе в моем умѣ промелькнуло обвиненіе, брошенное Равашолю а невинныя жертвы? Но я скоро рѣшил этот вопрос. В домѣ, в котором помѣщалось бюро компаніи, жили только буржуа, слѣдовательно, невинных жертв не могло быть. Вся буржуазія живет эксплуатаціей несчастных и вся она должна отвѣчать за преступленія послѣдней.

Я положил бомбу перед дверью бюро компаніи, будучи вполнѣ увѣренным в своей правотѣ. Во время дебатов я уже объяснил, что я надѣялся, что в случаѣ если бы открыли присутствіе бомбы до ея взрыва, то послѣдній произошел бы в полиціи, поражая и в этом случаѣ моих врагов.

Вот причины, побудившія меня произвести это первое покушеніе.

Перейдем-же ко второму, ко взрыву в кафе Терминус.

Я пріѣхал в Париж во время дѣла Вальяна и был свидѣтелем того ужаснаго давленія, которое послѣдовало за покушеніем в Палэ-

Бурбонѣ и тѣх драконовских мѣр, которыя правительство приняло против анархистов. Вездѣ выслѣживали, обыскивали, арестовывали. Массы лиц, взятых наугад, были насильно отняты у своих семейств и брошены в тюрьму. Что дѣлалось с женами и дѣтьми этих товарищей во время их заключенія? Никто, конечно, этим не интересовался. Анархист перестал считаться человѣком, это был звѣрь, котораго травили со всѣх сторон, и буржуазная пресса, презрѣнная раба силы, на всѣ лады требовала его уничтоженія. Тогда-же всѣ анархическіе журналы и другія изданія были конфискованы и анархистоь лишили права собраній.

Но мало того: когда хотѣли отдѣлаться от какого нибудь из наших товарищей, то продѣлывали слѣдующій маневр: агент полиціи приносил вечером в его комнату пакет с танином, а на другой день у него производили обыск по приказу, выданному за два дня перед тѣм. Находили коробку с подозрительными порошками, товарища судили и приговаривали года на три тюремнаго заключенія; вспомните презрѣннаго провокатора, выдавшаго Мериго.

Но всѣ эти средства считались хорошими, ибо ими поражался враг, котораго раньше боялись и, трусившіе тогда, хотѣли теперь казаться храбрыми.

В завершеніе этого крестоваго похода

против еретиков г. Рейналь, министр внутренних дѣл, заявил с трибуны палаты, что принятыя правительством мѣры привели к хорошим результатам, поселив ужас в лагерѣ анархистов. Но и этото казалось мало; и вот человѣка, никого не убившаго приговорили к смертной казни, а так как нужно было казаться храбрым до конца, то в одно прекрасное утро Вальяна гильотинировали....

Но вы, гг. буржуа, слишком понадѣялись на себя: вы арестовали сотни людей, вы обыскали множество квартир, но на свободѣ еще остались люди, которых вы не знали и которые присутствуя при вашей охотѣ на анархистов, дожидались только удобнаго момента для того, чтобы, в свою очередь, начать охоту на охотников. Слова г. Рейналя были вызовом, брошенным анархистам. Перчатка была поднята. Бомба, брошенная в кафе Терминус, служит отвѣтом на всѣ ваши аресты. обыски, исключительные законы против прессы, массовыя высылки иностранцев, на всѣ ваши гильотинады...

Но зачѣм, спросите вы, поражать мирных посѣтителей кафе, слушающих музыку и которые могут не быть ни администраторами, ни депутатами, ни чиновниками?

Почему? Очень просто. Буржуазія не дѣлает различія между анархистами; один из них — Вальян — бросил бомбу и, хотя девять деся-

тых из его товарищей не знали о его планах, тѣм не менѣе преслѣдованію подверглись всѣ, кто только имѣл какое нибудь отношеніе к анархизму. Что-же! если вы дѣлаете цѣлую партію отвѣтственной за дѣйствія одного из ея членов, если вы бьете огулом всѣх, — мы будем дѣлать то же самое!

Неужели мы должны нападать только на депутатов, издающих законы против нас, на судей, примѣняющих их, на полицію, арестовывающую нас? Я этого не думаю. Всѣ эти люди ничто иное, как орудія, дѣйствующія не от своего имени; буржуазія создала их для своей защиты, слѣдовательно они виноваты не болѣе, чѣм сама буржуазія.

Всѣ эти добрые буржуа, не занимающіе должностей, но получающіе деньги по купонам облигацій и живущіе в праздности на счет труда рабочих, тоже должны получить свою долю возмездія. И не только они, но и всѣ довольные современным порядком: всѣ, кто рукоплещет правительственным распоряженіям и становится на его сторону, всѣ эти чиновники, получающіе по 300-500 франков в мѣсяц и ненавидящіе народ даже болѣе, чѣм сами буржуа, вся эта глупая и претенціозная масса, стоящая всегда на сторонѣ силы, эти завсегдатаи кафе Терминус и других больших кафе. Вот почему я поразил в кучу, не выбирая своих жертв.

Нужно, чтобы буржуазія хорошо поняла, что страдающим наконец надоѣли страданія и что они уже показывают когти и начинают расправляться тѣм болѣе звѣрским образом, чѣм болѣе по звѣрски обращались с ними. У них нѣт уваженія к человѣческой жизни, потому что его нѣт у самих буржуа, и не убійцам, создавшим Кровавую Недѣлю и Фурми, называть убійцами других! Анархисты не щадят ни жен, ни дѣтей буржуазіи. потому что и она не щадит жен и дѣтей тѣх, несчастных, которых мы любим. Развѣне невинныя жертвы, эти несчастныя дѣти изпредмѣстій, умирающіе медленною смертію от анеміи, потому что дома нѣт хлѣба; или эти женщины, блѣднѣющія и истощающ яся в ваших мастерских, чтобы заработать каких нибудь 2 франка в день и считающія себя еще счастливыми, если им не приходится для этого еще и продавать себя; эти старики, на которых вы в продолженіе всей их жизни смотрѣли как на машины и которых выбросили на улицу или в госпиталь когда их покинули силы?

Имѣйте же хоть мужество признать свои преступленія, г. г. буржуа и согласитесь, что наши нападенія вполнѣ справедливы.

Я однако не строю себѣ иллюзій. Я знаю, что мои поступки не будут поняты недостаточно подготовленною толпою. Даже среди рабо-

чих, за которых я боролся, многіе, введенные в заблужденіе вашей прессой, сочтут меня за своего врага. Но и это меня мало смущает, потому что мнѣ безразлично мнѣніе других. Я знаю также, что есть люди, тоже называющіе себя анархистами, но в то же время всегда отказывающіеся от какой бы то ни было солидарности с тѣми, которые прибѣгают к пропагандѣ фактами; они стараются провести самую точную границу между теоретиками анархизма и террористами. Они сами слишком трусливы для того, чтобы рисковать своею жизнью и, конечно, порицают тѣх, кто дѣйствует. Но за то и вліяніе, на которое они претендуют в революціонном движеній, вполнѣ ничтожно. В настоящее время наступила пора дѣйствовать, слабости и отступленійне должно быть.

Русскій революціонер А. Герцен сказал: „одно из двух, или казнить и идти вперед, или миловать и застрять на полдорогѣ.“

Мы не хотим ни миловать, ни застрять и будем идти все вперед до тѣх пор, пока революція — цѣль наших усилій — не увѣнчает наше дѣло, создав свободный мір.

В безпощадной войнѣ, объявленной нами буржуазіи, мы не просим пощады для себя. Мы убиваем, но и сами съумѣем умереть!

Я равнодушно жду ваш приговор. Знаю, что моя голова падет не послѣдней, падут еще

другія, потому что умирающіе с голоду начинают уже находить путь, ведущій в ваши большія кафе и рестораны, как Терминус и др. К кровавому списку наших мертвых, вы прибавите новыя имена. Но вашему царствованію скоро придет конец....

Вы вѣшали нас в Чикаго, обезглавливали в Германіи, гаротировали в Хересѣ, разстрѣливали в Барцелонѣ, гильотинировали в Монбризонѣ и в Парижѣ, но вы никогда не уничтожите анархизма!

Его корни сидят глубоко; он родился в гніющем и распадающемся обществѣ как рѣзкая реакція против существующаго порядка. Он олицетворяет собою стремленіе к свободѣ и равенству, пробившее уже широкую брешь в принципѣ государственности. Он находится всюду и потому он неуловим и кончит тѣм, что убьет вас!

Вот, г. г. присяжные, все, что я хотѣл вам сказать. Теперь вы услышите моего защитника. Так как ваши законы требуют, чтобы каждый обвиняемый имѣл своего защитника, то моя семья выбрала г. Горнбостеля. Но то, что он вам скажет, не должно уменьшить значенія того, что я сам сказал, ибо я изложил свои истинныя мысли и не отступлюсь ни от одного сказаннаго мною слова.

МЫСЛИ

записанныя Эмилем Анри перед казнью.

Чего желают анархисты? Автономіи личности, возможности свободнаго развитія своей иниціативы, как необходимыя условія для счастія. Анархист допускает коммунизм как идеал общества, потому что сознает, что свое собственное счастіе он найдет в счастіи всѣх людей, свободных и автономных, как и он сам.

* * *

Я полагаю, что насильственныя акты возмущенія достигают своей цѣли, потому что они будят массу. заставляют ее встрепенуться, как от удара кнутом и показывают ей слабую сторону буржуазіи, которая дрожит еще даже в ту минуту, когда мятежник приближается уже к эшафоту.

* * *

Тому, кто говорит, что ненависть не порождает любовь скажите, что любовь часто порождает ненависть.

* * *

Ненависть, если только она вызвана не низкою завистью, а благородными мотивами, — здоровое, сильное и живительное чувство.

* *
*

Одно право стоит выше всѣх остальных— право возстанія.

* *
*

Современное общество похоже на корабль, который погибнет во время бури, потому что во время не захотѣли освободиться от груза, накопленнаго в теченьи долгих вѣков плава нія; в состав его входят и драгоцѣнныя вещи, но онѣ слишком тяжелы.

* *
*

Чѣм больше мы любим свободу и равенство, тѣм больше мы должны ненавидѣть все, что мѣшает людям быть свободными и равными.

* *
*

Правда, что люди представляют собой плод учрежденій, но послѣднія сами по себѣ ничто иное как абстракціи, и существуют на самом дѣлѣ только пока их представляют живые люди. Слѣдовательно, чтобы бороться с учреж-деніями, надобно бить представляющих их людей.

* *
*

Я люблю всѣх людей как человѣчество и за то, что они должны бы быть но презираю их за то, что они есть.

* * *

Наконец. я имѣю право выходить из театра, когда пьеса начинает внушать мнѣ отвращеніе, и выходя даже хлопнуть дверью, рискуя обезпокоить тѣх, которые ею довольны.

Большая Рокетт,*) май 1894 года.

Эмиль Анри

*) Одна из парижских тюрем.

Имѣются в продажѣ
слѣд. изданія группы:

1. М. Бакунин — Парижская коммуна и понятіе о государственности. . . . . ц.25 сант.
2. Софья Бардина — Рѣчь на судѣ.
3. Петр Кропоткин — Распаденіе современнаго строя, выпуск I-ый. . . . . .ц 1 фр.
4. Эмиль Анри — Рѣчь на судѣ. ц. 20 сант.

Склад изданіи:

Genève, rue du Cendrier, 15
Genève.